

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

4-ТОМ ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Величайшее счастье наибольшего
числа

И мы говорим о философских категориях, которые занимали умы философов XIX и XX веков. Мы касаемся той части труда Энтони Кенни, в которой он говорит об этике.

В большинстве систем морали счастье является понятием огромной важности. Многие философы-моралисты, восходящие к Платону и Аристотелю, относились к счастью как к высшему благу. Некоторые этики дошли до того, что утверждали, что люди ищут счастья во всех своих решениях.

Бросая вызов приоритету счастья, Иммануил Кант был весьма своеобразен. В своей работе он провозгласил, что долг, а не счастье, является высшим этическим мотивом. Поэтому, когда Бентам заявил, что каждое действие должно оцениваться в соответствии с тенденцией, которая усиливает или уменьшает счастье, он на первый взгляд лишь подтвердил давний консенсус. Но при ближайшем рассмотрении принцип величайшего счастья Бентама очень отличается от традиционных представлений.

Во-первых, Бентам отождествляет счастье с удовольствием. Именно удовольствие является высшим источником действия. Знакомство с принципами морали и законодательства начинается с желания получить удовольствие.

Природа поставила человечество под управление двух властелинов – боли и удовольствия. Они сами должны указать, что мы должны делать, а также определить, что мы будем делать. С одной стороны, стандарты добра и зла, с другой – цепь причин и следствий крепятся к их трону. Боль и удовольствие управляют нами во всем, что мы делаем, во всем, что мы говорим, во всем, что мы думаем. Каждое усилие, которое мы можем сделать, чтобы сбросить наше подчинение, будет служить, демонстрировать и подтверждать это.

Поэтому максимизировать счастье для Бентама – то же самое, что максимизировать удовольствие. Это такой утилитаристский подход. Утилитаристы могли бы привести Платона как своего предтечу, так как в своем «Протагоре» он предложил для обсуждения тезис о том, что добродетель состоит в правильном выборе удовольствия и боли.

Аристотель проводил различие между счастьем и удовольствием, он отказывался отождествлять счастье с удовольствиями чувств. Бентам, напротив, не только рассматривал счастье как эквивалент удовольствия, но и считал само удовольствие просто ощущением. Вот, что он говорит: «В этом вопросе мы не хотим ни утонченности, ни метафизики. Не обязательно консультироваться ни с Платоном, ни с Аристотелем. Боль и удовольствие – это то, что каждый чувствует, чтобы оставаться самим собой».

Бентам с осторожностью отмечал, что удовольствие – это ощущение, которое может быть вызвано не только едой, питьем или сексом, но и множеством других вещей, таких же разнообразных, как приобретение богатства, доброта к животным или вера в пользу высшего существа. Поэтому критики, которые считали гедонизм Бентама призывом к чувственности, были совершенно не правы. В то время как для мыслителя, подобного Аристотелю, удовольствие должно было быть отождествлено с деятельностью, которой пользуются, для Бентама связь между деятельностью и ее удовольствием была одной из причин и следствий. В то время как для Аристотеля ценность удовольствия была такой же, как и ценность деятельности, для Бентама ценность каждого удовольствия была одинаковой, вне зависимости от того, как оно было вызвано.

Именно количественное определение удовольствия и боли имеет первостепенное значение для повседневной жизни. При принятии решения о действии или политике мы должны оценить количество удовольствия и количество боли, которые могут возникнуть. Бентам понимал, что такая количественная оценка не является тривиальной задачей. Он предлагал рецепты измерения удовольствий и боли. Удовольствие, которое считается более приятным, или более интенсивным, или оно длится дольше, или более непосредственное. Бентам небезуспешно разработал инструмент расчёта счастья. И если сейчас мы слышим в новостях, что международные институты рассчитывают коэффициент счастья жителей разных стран, мы обязаны этим Бентаму.

Бентам говорит, что если мы рассматриваем государственную политику, мы должны дополнительно рассмотреть еще один фактор, который называется «расширением», насколько широко факторы боли и удовольствия будут распространяться по всему населению.

Для целей определения государственной политики расширение является решающим

фактором. «Величайшее счастье наибольшего числа» – это впечатляющий лозунг, но когда его исследуют, считает Кенни, он оказывается пронизан двусмысленностью.

Первый вопрос, который будет поднят: «Наибольшее количество кого?» Должны ли мы добавить «избирателей», «граждан», «мужчин», «людей», «разумных существ»? Огромное значение имеет то, какой ответ мы даем. На протяжении двух столетий истории утилитаризма большинство его сторонников, вероятно, дали бы ответ «люди». И это, скорее всего, ответ, который дал бы сам Бентам. Но Бентам не отстаивал избирательное право женщин только потому, что считал, что это вызовет возмущение. Но в принципе, он считал, что «притязания женского пола, если не лучше, то, по крайней мере, в целом так же хороши, как и притязания пола мужского».

Кенни говорит о том, что в последние годы многие утилитаристы распространили принцип счастья за пределы человечества к другим живым существам, утверждая, что животные имеют одинаковые права с людьми. Хотя большой любитель животных (особенно кошек) сам Бентам не зашёл так далеко. Он бы отверг идею о том, что животные имеют права, потому что он не верил в естественные права любого рода. Но сделав высший нравственный критерий вопросом ощущения, он сделал уместным считать животных принадлежащими к тому же моральному сообществу, что и мы сами, поскольку животные, а также люди чувствуют удовольствие и боль. Это, в долгосрочной перспективе, оказалось одним из наиболее значительных последствий разрыва Бентама с классической и христианской нравственной традицией, которая ставила высшую нравственную ценность в деятельности не смысла, а разума. И рассматривала нерациональных животных как стоящих вне нравственного сообщества.

Второй вопрос о принципе полезности заключается в следующем: должны ли отдельные лица, или политики, следуя принципу наибольшего счастья, пытаться контролировать число кандидатов на счастье? Означает ли расширение счастья на большее число, что мы должны попытаться привести больше людей к существованию? Какой ответ мы даём на вопрос, который связан с третьим, еще более сложным вопросом – когда мы измеряем счастье населения, мы рассматриваем только полное счастье или мы также должны рассматривать среднее счастье? Должны ли мы принимать во внимание распределение счастья, а также его количество? Если это так, то мы должны найти баланс между количеством счастья и количеством людей.

Этот вопрос является проблемой скорее для политической философии, чем для философии морали. Но Кенни говорит, что даже если мы ограничимся рассмотрением вопросов индивидуальной морали, остается проблема, вызванная первоначальным отрывком из приведённого выше введения. Провозглашенный там гедонизм, говорит Кенни, имеет двоякий характер. Есть психологический гедонизм (удовольствие определяет все наши действия) и этический гедонизм (удовольствие – это эталон добра и зла). Но удовольствие, упомянутое в психологическом гедонизме, есть удовольствие отдельного человека. А удовольствие, вызываемое этическим гедонизмом, является удовольствием (как бы количественно оно ни выражалось) всего морального сообщества. Кенни говорит: «если я предопределен в каждом действии, чтобы стремиться к максимизации моего собственного удовольствия, какой смысл говорить мне, что я обязан максимизировать общее благо?». Это была проблема, которая которую подняли некоторые последователи Бентама в утилитарной традиции.

Бентам высоко оценил утилитарность, противопоставив её другим этическим системам. Вторая глава введения озаглавлена «Принципы, неблагоприятные для полезности». В ней он перечисляет два таких принципа, первый из которых – принцип аскетизма, а второй – принцип симпатии и антипатии. Принцип аскетизма является зеркальным отражением принципа полезности, утверждающего действия в той мере, в какой они стремятся уменьшить количество счастья. Человек, который принимает принцип симпатии и антипатии, оценивает действия как хорошие или плохие в той мере, в какой они согласуются или не соответствуют его собственным чувствам.

Религиозные традиции, действительно, придают большое значение самоотречению и умерщвлению плоти. Но даже среди религиозных учителей редко можно встретить того, кто делает причинение страданий себе главным принципом любого действия. Сам Бентам признает, что «принцип аскетизма никогда не может последовательно соблюдаться ни одним живым существом».

Даже Энтони Кенни переходит к анализу вариантов утилитаризма.

Джон Стюарт Милль, как и Бентам, был последователем утилитаризма. Но он смягчил аспекты учения Бентама, которые он счёл наиболее оскорбительными. Он признаёт, идея о том, что жизнь не имеет более высокой цели, чем удовольствие, была доктриной, достойной только свиней. Глупо отрицать, что у людей есть способности, которые выше, чем те, которые они разделяют с животными. Это позволяет нам различать различные удовольствия не только по количеству, но и по качеству. «Вполне совместимо с принципом полезности признать тот факт, что некоторые виды удовольствия более желательны и более ценны, чем другие».

Как же мы оцениваем различные виды удовольствия? Милль говорит: «Если из двух удовольствий есть одно, которому все или почти все отдают решительное предпочтение, независимо от какого-либо чувства морального обязательства предпочесть его, то это более желательное удовольствие. Вооруженный этим различием утилитарист может поставить дистанцию между собой и свиньей. Немногие люди хотели бы, чтобы их превратили в низшее животное, даже если бы им обещали рог изобилия звериных удовольствий». «Лучше быть человеком неудовлетворенным, чем свиньей удовлетворенной» – говорит Бентам. «Лучше быть неудовлетворенным Сократом, чем довольным дураком».

Счастье, по мнению Милля, предполагает не только удовлетворение, но и чувство собственного достоинства. Любое количество низших удовольствий без этого не будет равносильно счастью. Соответственно, принцип наибольшего счастья нуждается в повторении.

Кенни говорит, некоторые коммунисты считают несправедливым, что результаты производства трудового сообщества должны быть разделены, исходя из какого-либо другого принципа, чем из точного равенства. Другие думают, что «те должны получать большинство, кто хочет большего». Другие считают, что те, кто работает больше, может по праву претендовать на большую квоту в отделе продуктов. И чувство естественной справедливости может быть весьма убедительно обжаловано в интересах каждого из этих мнений.

Проблема, действительно, не так проста, как кажется. Она очень актуальна в современных социально-экономических исследованиях.

Не случайно далее Энтони Кенни рассматривает принцип отречения Шопенгауэра и другие дискуссии о морали и этики.

К сожалению, формат лекций не позволяет познакомить слушателя со всем содержанием трудов Энтони Кенни. Я хочу попрощаться с вами и пожелать вам читать историю философии. Полезно знать, где находятся корни современных тенденций. И откуда политики берут свои лозунги, тезисы, идеи. Изучать историю философии, воистину, большое удовольствие.